

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

(суфийские притчи)

I*

Островитяне

*Обычный человек раскаивается в своих грехах,
избранные раскаиваются в своей нерадивости.*

Зу-н-Нун ал-Мисри

Большинство вымышленных историй содержат по крайней мере долю истины, и часто они позволяют людям понять идеи, восприятию которых обычно препятствует их ординарный склад ума. По этой причине вымышленные истории использовались, и не в последнюю очередь суфийскими учителями, чтобы представить картину жизни, более гармонирующую с их чувствами, нежели это возможно сделать с помощью интеллектуальных упражнений.

Вот суфийская история о положении человечества, обобщённая и приспособленная — как всегда и должно быть — ко времени, когда её рассказывают. Обычные «развлекательные» истории суфийские авторы считают выродившейся или низшей формой этого искусства.

Давным-давно в некоей далёкой стране обитало идеальное общество. Члены его не знали страхов, свойственных нам. Вместо неуверенности и колебаний они отличались целеустремлённостью и располагали большими возможностями для самовыражения. Хотя они не знали тех стрессов и напряжений, которые современное человечество считает неотъемлемой частью своего прогресса, жизнь их была богаче, ибо другие, лучшие элементы занимали место этих факторов. Поэтому существование этих людей носило несколько иной характер. Можно, фактически, сказать, что наши нынешние способности восприятия — это грубый заменитель тех настоящих способностей, которые были присущи жителям той страны.

Они жили реальной жизнью, а не полужизнью.

Назовём их народом страны Ал-Ирея.

У них был вождь, и он обнаружил, что страна их станет непригодной для жизни, скажем, на двадцать тысяч лет. Он придумал, как им спастись, отдавая себе отчёт в том, что их потомки смогут успешно вернуться на родину только после того, как преодолеют множество испытаний.

---

* Shah Idries. The Sufis. NY, 1964.

Он нашёл для них пристанище — остров, лишь отдалённо напоминавший их первоначальную родину. Из-за разницы в климатических и природных условиях переселенцы должны были измениться. Благодаря этому они стали более приспособлены к новым условиям жизни в физическом и психическом отношении; так, на место тонких ощущений пришли более грубые, как грубеют при физическом труде ладони рабочего в соответствии с требованиями его профессии.

Чтобы уменьшить боль, какую приносило бы им сравнение нового их состояния с прежним, прошлое было почти стёрто из их памяти. У них осталось только самое смутное воспоминание, однако достаточное, чтобы пробудиться, когда для этого придёт время.

Устройство общества было весьма сложным, но хорошо отлаженным. Органы, благодаря которым люди смогли выжить на острове, сделались и органами наслаждения, физического и умственного. Органы, которые играли действительно созидательную роль на их прежней родине, были переведены в особое состояние временного бездействия, и при том связаны с затуманенной памятью, сохраняясь, пока память окончательно не вернётся.

Переселенцы обустроивались медленно и мучительно, приспособляясь к местным условиям. Ресурсы острова были таковы, что, при надлежащих условиях и определённом руководстве, позволяли людям перебраться на следующий остров, лежащий на пути к их первоначальной родине. Он был первым в цепи островов, на которых происходила постепенная акклиматизация.

Ответственность за эту «эволюцию» была возложена на тех, кто мог её вынести. Таких людей неизбежно были единицы, ибо для большинства усилия по совмещению в сознании обеих систем знания были практически непосильны. Одна из них казалась противоречащей другой. Хранили «особую науку» надёжные специалисты.

Этот «секрет», способ осуществить перемещение, представлял собой не что иное, как знание мореходства и его использование. Для спасения нужны были руководитель, сырьё, люди, усилия и понимание. При наличии этого — люди могли научиться плавать, а также строить корабли.

Те, кто с самого начала отвечал за операции по спасению, разъясняли всем и каждому, что необходима определённая подготовка, прежде чем человек может научиться плавать или хотя бы участвовать в постройке корабля. Какое-то время всё шло неплохо.

Но затем один человек, у которого на тот момент не оказалось необходимых качеств, восстал против этого порядка и исхитрился развить великолепную идею. Он подметил, что усилия по спасению ложатся тяжёлым и явно не отрадным бременем на плечи людей. В то же время они были расположены верить тому, что им говорилось относительно операции по спасению. Человек этот понял, что, всего-навсего сыграв на этих двух обстоятельствах, он может обрести власть, а заодно и отомстить тем, кто, как ему казалось, недооценивал его.

Следовало всего лишь предложить изъять суть бремени, заверив, что сути нет.

И он заявил следующее:

«Человеку не нужно ничего совмещать в своём сознании и тренировать его так, как вам это описывали. Человеческое сознание и так устойчиво и постоянно. Вас учили, что, для того чтобы построить корабль, надо овладеть ремеслом. Я же говорю, что вам не только незачем овладевать ремеслом — корабль вам вообще не нужен! Островитянину нужно лишь соблюдать несколько простых правил, чтобы выжить и остаться членом сообщества. Руководствуясь здравым смыслом, который заложен в каждом, человек может достичь всего на этом острове, нашей родине, нашем общем достоянии и наследии!»

Этот говорун, сумевший привлечь к себе внимание и вызвать в народе большой интерес, теперь «отстаивал» свои взгляды так:

«Если в кораблях и плавании есть хоть что-нибудь реальное, пусть покажут нам корабли, совершившие путешествие, а также пловцов, вернувшихся назад!»

Это был вызов руководителям, — вызов, принять который они не могли. Он был основан на исходной посылке, ложность которой не могло разглядеть ошеломлённое стадо. Дело в том, что корабли никогда не возвращались назад из другой страны. Пловцы же по возвращении проходили дополнительную адаптацию, что делало их неотличимыми для толпы.

Массы же требовали наглядных доказательств.

«Кораблестроение, — говорили спасатели, пытаясь урезонить бунтарей, — есть искусство и ремесло. Усвоение этого знания и применение его на деле обусловлено особыми техническими приёмами. Всё это вместе взятое составляет единое действие, которое невозможно исследовать по частям, как вы того требуете. Этому роду деятельности присущ неосознаваемый элемент, называемый *барака*, от которого произошло слово «барка», корабль. Слово это означает «утончённость, неуловимость», и показать её вам нет возможности».

«Искусство, ремесло, единое, *барака* — чушь!» — кричали революционеры. И потому перевешали всех искусных кораблестроителей, какие попались им в руки.

Новая доктрина приветствовалась со всех сторон как проповедь свободы. Человек обнаружил, что он уже взрослый! И почувствовал себя, по крайней мере на какое-то время, как бы свободным от ответственности.

Революционная концепция, с её простотой и удобством, скоро захлестнула все прочие взгляды. Вскоре она уже выступала как основополагающая истина, усомниться в которой не мог ни один разумный человек. Разумным же, конечно, считался всякий, чьи взгляды полностью отвечали самой общепринятой теории, на которой теперь зиждилось общество.

Идеи, противоречащие новой концепции, с лёгкостью стали

именоваться неразумными. Всё неразумное было плохим. Так что, если у кого-то и возникали сомнения, их надо было подавить или отклонить, ибо любой ценой нужно было считаться разумным человеком.

Быть разумным не составляло особого труда. Надо было лишь сохранять верность ценностям данного общества. Кроме того, свидетельств истинности разумного было предостаточно — если только в мыслях своих не выходить за рамки островной жизни.

Теперь общество обрело временное равновесие в пределах острова и, казалось, убедительную завершенность в глазах самого себя. Оно зиждилось на разуме и чувстве, возведя их в ранг достоверности. Людоедство, к примеру, допускалось на вполне разумных основаниях. Было обнаружено, что человеческое тело съедобно. Съедобность — это свойство пищи. Следовательно, человеческое тело представляет собой пищу. Чтобы скомпенсировать недостатки этой аргументации, средство нашлось. Людоедство регулировалось — в интересах общества. Компромисс стал отличительным знаком временного равновесия. То и дело кто-нибудь предлагал новый компромисс, и борьба между разумом, честолюбием и интересами общества порождала какую-то новую социальную норму.

Поскольку применять искусство судостроения в этом обществе было явно не к чему, любое усилие в этом направлении можно было с лёгкостью признать абсурдным. Суда стали не нужны — плыть было некуда. Как известно, следствия исходных посылок можно употреблять в качестве «доказательств» этих посылок. Такой заменитель подлинной достоверности называется псевдодостоверностью. С нею-то мы и сталкиваемся каждый день, когда полагаем, что будем жить и завтра. У наших же островитян она прилагалась ко всему.

Как действовал этот механизм, показывают две статьи из большой *Всеобщей островной энциклопедии*. Черпая знания из единственного доступного им источника умственной пищи, учёные островитяне произвели, не мудрствуя лукаво, истины вот такого рода.

КОРАБЛЬ (*отвратительное*). Воображаемое средство передвижения, с помощью которого, по утверждению мошенников и обманщиков, можно «пересечь водное пространство». Абсурдность данного утверждения в наше время доказана научно. Даже не затрагивая вопроса о существовании цели за пределами Острова, на Острове неизвестно никаких водонепроницаемых материалов, из которых можно было бы соорудить подобный «корабль». Проповедь «кораблестроения» является тяжким преступлением согласно ст. 17 Уголовного Кодекса, п. 7, *Защита доверчивых*. **МАНИЯ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ** — крайняя форма ухода от действительности, симптом плохой приспособляемости. В соответствии с Конституцией, каждый гражданин, если у него возникает подозрение, что кто-то поражён этим ужасным недугом, обязан известить об этом органы здравоохранения.

См. Плавание; Умственные расстройства; Преступление (тяжкое).
Литература: Смит Дж. Почему построить «корабль» невозможно.
Монография Островного университета № 1151.

ПЛАВАНИЕ (*неприятное*). Предполагаемый способ передвижения тела в воде, без утопления, обычно с целью «достичь некоего места за пределами Острова». «Обучавшийся» этому неприятному «искусству» должен был пройти через причудливо-комический ритуал. На первом занятии он должен был распластаться на земле и двигать ногами и руками по команде «инструктора». В основе всей этой концепции лежит стремление самозванных «руководителей» властвовать над доверчивым народом в эпоху варварства. В менее отдалённые времена культ этот принял форму эпидемической мании.

См. Корабль; Ереси; Псевдоискусства.
Литература: Браун У. Тяжёлое умопомешательство на почве «плавания»: В 7 т. Институт общественного ясного сознания.

Слова «отвратительное» и «неприятное» употреблялись на острове для обозначения всего того, что не согласовывалось с новой доктриной, которая именовалась «Услада». Название это отражало основную идею — что люди теперь будут заниматься самоуслаждением, в русле общей потребности услаждать Государство. Считалось, что под Государством понимается весь народ.

Нет ничего удивительного, что с весьма давних времён сама мысль о том, чтобы покинуть остров, повергала большинство островитян в ужас. Точно так же у заключённых на длительный срок наблюдается самый настоящий страх, когда их собираются выпустить на свободу. «За пределами» места заключения — слишком неопределённый, неизвестный, угрожающий мир.

Остров не был тюрьмой. Но он был клеткой с невидимыми решётками, куда более действенными, нежели любые решётки зримые.

Островное общество становилось всё более сложным, так что мы можем остановиться лишь на некоторых его отличительных особенностях. На острове была богатая литература. Помимо художественных произведений, выходило множество книг, разъясняющих ценности и достижения нации. Была развита и целая система иносказательной беллетристики, изображавшей все ужасы иной жизни, не будь общество перестроено по нынешнему, внушающему уверенность и спокойствие образцу.

Время от времени руководители пытались помочь спастись всему этому обществу. Капитаны жертвовали собой, чтобы восстановить такую атмосферу, при которой скрывавшиеся ныне кораблестроители смогли бы продолжить свою работу. Все эти попытки преподносились историками и социологами с точки зрения внутренних условий на острове, без малейшей мысли о возможности каких-либо контактов за пределами этого замкнутого общества. Дать правдоподобное объяснение почти всего

происходившего на острове было сравнительно нетрудно. Основы этики в расчёт не принимались, поскольку учёные с подлинным самозабвением продолжали исследовать то, что представлялось им истиной. «Что же мы можем сделать *ещё?*» — задавались они вопросом, понимая под словом «ещё» усилия в количественном отношении. Или же они спрашивали друг друга: «Что *ещё* мы можем сделать?», полагая, что ответ может заключаться в слове «ещё» — в смысле чего-то другого.

На самом же деле проблема их состояла в том, что они полагали, будто умеют формулировать вопросы; им и в голову не приходило, что вопросы бывают ничуть не менее важны, чем ответы на них.

Разумеется, у островитян был широчайший простор для мысли и действия внутри их собственной узкой сферы. Вариации идей и различия во мнениях создавали ощущение свободы мысли. Мысль поощрялась — при условии, что она не «абсурдная».

Допускалась и свобода слова. Но без развития понимания — чем островитяне пренебрегали — толку от этого было не много.

В соответствии с изменениями, происходившими в обществе, работа мореплавателей и её основные формы приобрели другие черты. Это делало их реальность ещё более трудной для восприятия теми, кто пытался понять их с островной точки зрения.

Во всей этой путанице, даже способность вспомнить о возможности спасения подчас становилась препятствием. Сознание возможного спасения будоражило, но не слишком помогало понять, что к чему. Чаще всего люди, страстно мечтавшие о спасении, довольствовались всевозможными суррогатами. Расплывчатое представление о кораблевождении не может принести пользы без умения ориентироваться. Но даже самые ревностные из потенциальных кораблестроителей были приучены думать, что они уже владеют искусством ориентироваться. Они уже были взрослыми. И ненавидели любого, кто указывал, что им может потребоваться подготовка.

Возможности реального продвижения часто затмевались нелепыми интерпретациями плавания или кораблестроения. Немалая вина в этом лежала на сторонниках псевдоплавания или аллегорических кораблей, а попросту — торгашах, предлагавших уроки тем, кто был ещё слишком слаб, чтобы плавать, или же поездки на кораблях, которые они не могли построить.

Потребности общества с самого начала обусловили необходимость определённых форм рационализации и мышления, которые развились в то, что называлось наукой. Этот замечательный подход, столь плодотворный в тех областях, где он приложим, в конечном счёте вышел за пределы, в которых он действительно имел смысл. Подход, именуемый «научным», вскоре после революции «Улада» распространился настолько, что подменил собой всё разнообразие идей. В конечном итоге то, что нельзя было втиснуть в его рамки, стало именоваться «ненаучным» — ещё один удобный синоним слова «плохой». Слова незаметно брались под стражу, а затем автоматически порабощались.

Как люди в зале ожидания, предоставленные сами себе, лихорадочно читают журналы, так и островитяне, в отсутствии соответствующей установки, были поглощены поисками суррогатов реализации того, что было первоначальной (а по сути, и конечной) целью переселения этого народа.

Некоторым из них удавалось более или менее успешно отвлечь своё внимание, главным образом на действия, связанные с эмоциональными проявлениями. Диапазон эмоций, или чувств, был разный, однако надлежащей шкалы для их измерения не было. Все чувства считались «сильными» или «глубокими» — во всяком случае более глубокими, нежели бесчувствие. Чувство, которое побуждало людей на самые крайние физические или психические действия, автоматически определялось как «сильное».

Большинство людей ставило перед собой какие-то цели, либо позволяло другим делать это за них. Они могли следовать одному культу за другим, или добиваться денег, или видного положения в обществе. Одни чему-то поклонялись и ощущали своё превосходство над всеми остальными. Другие, отвергая то, что, по их мнению, было поклонением, считали, что у них нет идолов, и потому безбоязненно насмехались над всеми прочими.

Проходили века, и остров оказался усеян обломками всех этих культов. Обломками куда хуже обычных: они сами себя увековечивали. Люди из лучших и иных побуждений составляли из старых культов всё новые и новые сочетания, и те распространялись вновь. Для любителей и интеллектуалов образовался, таким образом, неистощимый источник академических или «исходных» материалов, приносящих успокоительное чувство разнообразия.

Множились замечательные средства доставить себе немного «удовольствия». Дворцы и памятники, музеи и университеты, учебные заведения, театры и стадионы заполнили почти весь остров. Люди естественно гордились таким приложением своих созидательных способностей, считая, что многие из них в целом связаны с высшей истиной, хотя мало кто представлял себе, в чём именно состоит эта связь.

С некоторыми аспектами этой деятельности было связано и строительство кораблей, но так, что об этом почти никто не знал.

В полной тайне корабли отправлялись в путь, пловцы продолжали обучать плаванию...

Условия островной жизни не могли полностью повергнуть этих посвящённых в смятение. В конце концов, они тоже родились в этом самом обществе, и были связаны неразрывными узами с ним и его судьбой.

Однако им весьма часто приходилось избегать излишнего внимания со стороны своих сограждан. Одни «нормальные» островитяне норовили спасти их от самих себя. Другие пытались убить их, из столь же возвышенных соображений. Иные же страстно мечтали о помощи с их стороны, но не могли их найти.

Все эти виды реакций на существование пловцов были следствием одной и той же причины, по-своему преломлявшейся в разных типах мышления. Причина же состояла в том, что теперь почти никто не знал, что же представляют пловцы на самом деле, чем они занимаются и где их искать.

По мере того как жизнь на острове становилась всё более цивилизованной, формировалось странное, но вполне закономерное течение, своеобразная индустрия. Оно занималось тем, что ставило под сомнение правомерность системы, определявшей всю жизнь общества.

Течение это преуспевало, вбирая в себя все сомнения по части социальных ценностей, высмеивая их или подвергая язвительной критике. Действо могло быть то печальным, то весёлым, — но в целом оно превратилось в бесконечно повторяющийся ритуал. К тому же этому потенциально ценному течению нередко мешали проявлять его подлинно созидательную роль.

Людам казалось, что, дав временно выход своим сомнениям, они могут в каком-то смысле унять их, заковать их, почти устранить их. Сатира принималась за многозначительную аллегорию; аллегория же признавалась, но не усваивалась. Пьесы, книги, фильмы, памфлеты — таковы обычно были средства выражения этого течения; хотя оно имело сильное ответвление и в более академических областях. Многим островитянам казалось, что, следуя этому культу вместо прежних, они становятся более раскрепощёнными, более современными, прогрессивными.

По-прежнему время от времени перед инструкторами по плаванию предстал какой-нибудь кандидат, с целью договориться. Обычно между ними происходил стандартный разговор:

— Я хочу научиться плавать.

— Вы хотите договориться об условиях?

— Нет. Единственно мне надо взять с собой тонну капусты.

— Какой капусты?!

— Еды, которая мне потребуется на другом острове.

— Там имеется более хорошая еда.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Я в этом не уверен. Я должен взять свою капусту.

— Прежде всего, с тонной капусты невозможно плыть.

— Тогда я никуда не поеду. Для вас это груз, а для меня — хлеб насущный.

— А что если, в качестве аллегории, сказать не «капуста», а «исходные посылки» или «деструктивные идеи»?

— Пойду-ка я со своей капустой к другому инструктору, который поймёт, что мне нужно.

Книга эта о пловцах и о строителях кораблей, а также о некоторых других, кто пытался следовать им, более или менее успешно. История эта не окончена, ибо люди всё ещё живут на острове.

Для передачи смысла суфии прибегают к разным шифрам. Переставьте буквы в названии первоначальной страны — Ал-Ирея — и получится «Реалия». Быть может, вы уже заметили, что название, избранное революционерами, — «Услада»⁺, — после перестановки превращается в слово «Спящие»⁺⁺.

II*

Вы должны быть готовы

Вы должны быть готовы к преобразению, в котором не будет ничего из того, к чему вы привыкли, — говорит Газали¹. — После смерти ваш облик неизбежно будет отвечать тем стремлениям и побуждениям, которые возникали у вас в этой жизни. Если вы останетесь привязанными к тому немногому, с чем вы хорошо знакомы, это только сделает вас несчастными.

Человек был создан, чтобы учиться

Верблюд выносливее человека; слон крупнее; лев превосходит его в храбрости; корова способна съесть больше него; птицы более плодовиты. Человек был создан, чтобы учиться.

Газали

Ответ Иисуса

Однажды несколько иудеев стали поносить Иисуса, когда он проходил по их кварталам города.

Но он отвечал повторением молитв во благо их.

Некто спросил его:

«Ты молился за этих людей, неужели ты не испытывал гнева по отношению к ним?»

Он ответил:

«Я могу тратить только то, что есть в моём кошельке».

Аттар из Нишанура²

⁺ «Please» у автора. — *Пер.*

⁺⁺ «Asleep» у автора. — *Пер.*

* Shah Idries. The Way of the Sufi. L., 1968.

Основа религии

Однажды, когда Сподвижник Омар³ перелистывал священную книгу евреев, Пророк Мухаммад сказал ему:

«Ты слишком поверхностно относишься к этой книге. Если хочешь извлечь из неё нечто ценное, ты должен стать иудеем. Быть совершенным иудеем лучше, чем несовершенным мусульманином; а баловаться с этой еврейской книгой — половинчатость, от которой не будет пользы ни там, ни тут.

Твоя ошибка в том, что, поступая так, ты сам ни то ни сё. Ты ни веришь, ни не веришь. Каково же при этом твоё состояние, как его описать?»

Аттар

Души до сотворения тела

Узнайте о времени, когда были души и не было тел.

Это время длилось несколько лет, но каждый такой год равнялся нашим тысячелетиям.

Все души были выстроены в ряд. Их взору был явлен мир. Девять душ из десяти устремились навстречу ему.

Перед оставшимися душами открылся рай. Девять душ из десяти помчались навстречу ему.

Оставшимся душам был показан ад. Девять из десяти в ужасе бросились прочь от него.

После этого осталось всего несколько душ, на которых ничто не действовало. Их не привлекли ни земля, ни рай и не устрасил ад.

Небесный Глас обратился к этим оставшимся со словами:

«Глупые души, чего же вы хотите?»

Души грянули хором:

«Ты, Кому ведомо всё, знаешь, что только Тебя мы жаждем и что мы не желаем расстаться с Твоим Присутствием».

Глас сказал им:

«Жаждать Нас опасно, это влечёт за собой трудности и причиняет бесчисленные опасности».

Души ответили:

«Мы с радостью примем всё, чтобы только не разлучаться с Тобой, и лишимся всего, с тем чтобы обрести всё».

Аттар. Илахи-наме

Мухаммад, сын Исы

Мухаммад, сын Исы, был одним из близких сподвижников Предводителя Правоверных. Живостью своего ума он превосходил всех остальных.

Однажды он проезжал верхом по улицам Багдада, в сопровождении многочисленной свиты. Люди спрашивали друг у друга:

— Кто этот человек, в таком ослепительном наряде, с такой огромной свитой, такой богатый?

И одна старуха, ковылявшая по обочине, ответила им:

— Это бедняк, а не богач. Ибо если бы Аллах не лишил его своего благословения, он бы не являл подобного тщеславия.

Услыхав эти слова, Мухаммад, сын Исы, тут же соскочил со своего великолепно убранного коня, признав, что это действительно соответствует его состоянию. С этого мгновения всякое стремление к внешней парадности и богатству оставило его.

Аттар

Отвечать добром на зло

Просто отвечать добром на зло может быть равносильно воздаянию злом за добро.

*Саади из Ширази*⁴

Знать свои недостатки

В глазах мудреца, жаждущий поединка со слоном — не истинный храбрец.

Храбр тот, кто в гневе не произносит ничего неподобающего.

Неотёсанный мужик поносил человека, а тот, терпеливо выслушивая его, сказал:

«О исполненный радужных надежд, я даже ещё хуже, чем ты говоришь. Я знаю все свои недостатки, тебе ж они неведомы».

Саади

Буйный рост

Если ножницы не будут касаться бороды ежедневно, то недолго ждать, когда борода, в своём буйном росте, станет считать себя головою.

*Хаким Джами*⁵

Государство

Справедливость и честность, а не религия или атеизм необходимы для защиты Государства.

Джами

Четверо и переводчик

Четыре человека заполучили монету.

Первый был перс. Он сказал: «Я куплю на это *ангур*».

Второй был араб. Он возразил: «Нет, потому что я хочу *инаб*».

Третий был турок. Он сказал: «Не хочу *инаб*, хочу *узум*».

Четвёртый был грек. Он сказал: «А я хочу *стафил*».

Поскольку они не знали, что стоит за этими названиями, они затеяли драку. У них была информация, но не было знания.

Мудрый человек, оказавшись он рядом, мог бы примирить их всех, сказав: «Я могу удовлетворить потребности каждого из вас, одной и той же монетой. Если вы честно доверитесь мне, ваша одна монета станет как четыре; и четверо ссорящихся станут как одно целое».

Такому человеку было бы понятно, что каждый на своём языке хотел одного и того же — винограда.

*Джалалуддин Руми*⁶

Совы и царский сокол

Царский сокол опустился на стену среди развалин, в которых обитали совы. Совы перепугались. Он сказал: «Это место может казаться вам прекрасным, но моё место на запястье царя».

Несколько сов прокричали остальным: «Не верьте ему! Хитростью и обманом он хочет заполучить наш дом!»

Руми

Кем я буду

Снова и снова произрастал я, траве подобно;

Через семьсот и семьдесят форм прошёл я.

Я умер в царстве камней, чтоб стать растением;

И в царстве растений умер, чтоб стать животным.

Умер в царстве животных, чтоб стать человеком.

Так зачем же страшиться исчезновения в смерти?

В следующий раз я умру,

Обретя крылья и оперенье, подобно ангелам:

Чтобы взмыть затем выше ангелов —

В высь, недоступную вашему воображенью. Тем буду я.

Руми

Усилия

Свяжите вместе двух птиц.

Они не смогут летать, хотя теперь у них четыре крыла.

Руми

Община суфиев

Наставник послал группу суфиев в некую местность, и там они поселились вместе в одном доме.

Чтобы избежать нежелательного внимания, на людях проповедовал только их Главный Представитель, бывший за старшего. Остальные члены общины как бы приняли на себя обязанности слуг в его доме.

Когда учитель этот скончался, члены общины перераспределили свои обязанности, проявив себя продвинутыми мистиками.

Однако жители той местности не только избегали их, видя в них подражателей, но и твердили: «Стыд и срам! Посмотрите, как незаконно присвоили они наследие Великого Учителя, поделив его меж собой. Ну конечно, теперь эти жалкие слуги даже держат себя так, будто они и сами — суфии!»

Обычные люди, в силу своей полной неопытности в искусстве мышления, лишены способности правильно оценивать подобные ситуации. И потому они склонны признавать пустых подражателей, примеряющих башмаки учителя, и отвергать тех, кто на самом деле продолжает его работу.

Когда учитель покидает общину — будь то смерть или что-то другое, — может статься, что его работа нуждается в продолжении, а может и нет. Однако обычные люди настолько ненасытны, что неизменно исходят из того, что такое продолжение желательно. Причём их глупость в этом отношении мешает им распознать это продолжение, если оно принимает какую-то иную форму, а не самую что ни на есть кричащую и грубую.

Учебный материал суфийского ордена чиишти⁷

Когда смерть — это не смерть

Одного человека обряжали для похорон, но тут он ожил.

Он приподнялся, но был так потрясён всем происходившим вокруг него, что снова потерял сознание.

Его положили в гроб, и похоронная процессия двинулась на кладбище.

В ту самую минуту, когда они подошли к могиле, человек очнулся, приподнял крышку гроба и стал звать на помощь.

«Не может этого быть, чтобы он ожил, — переговаривались участники похорон, — поскольку авторитетные специалисты засвидетельствовали его смерть».

«Но ведь я живой!» — кричал человек.

Он воззвал к известному своей беспристрастностью учёному и правоведа, который присутствовал на похоронах.

«Минуточку», — произнёс эксперт.

Затем он обратился ко всем присутствовавшим, пересчитав их. «Итак,

мы только что выслушали, что имел сказать сей предполагаемый покойник. Скажите мне, пятьдесят свидетелей, что вы считаете истиной».

«Он мёртв», — заявили свидетели.

«Хороните его!» — сказал эксперт.

И человека похоронили.

Учебный материал суфийского ордена чишти

Точка зрения верблюда

Человек как-то спросил верблюда, предпочитает ли тот идти в гору или под гору.

Верблюд ответил: «Для меня неважно, вверх или вниз, — важен груз!»

Учебный материал суфийского ордена чишти

Клятва

Некто, весьма озабоченный своими проблемами, поклялся однажды, что если они разрешатся, то он продаст свой дом, а вырученные деньги раздаст бедным.

Настало время, когда он понял, что пора выполнять клятву. Но ему не хотелось отдавать такие большие деньги. И он придумал выход.

Он назначил за свой дом цену — один серебряник. Дом, однако, продавался вместе с котом. За кота он запросил десять тысяч серебряников.

Дом с котом был продан. Человек отдал один серебряник бедным, а десять тысяч оставил себе.

Многие люди мыслят подобным же образом. Они решаются следовать учению; однако свои взаимоотношения с ним они толкуют, как выгодно им самим.

Учебный материал суфийского ордена чишти

Учитель и собака

Учитель-суфий шёл по дороге со своим учеником, как вдруг на них напала свирепая собака.

Ученик пришёл в ярость и закричал:

«Как смеешь ты так вести себя по отношению к моему учителю?»

«Она более последовательна, чем ты, — заметил мудрец, — ибо она лает на каждого, в соответствии со своими привычками и наклонностями; в то время как ты считаешь меня своим учителем и совершенно не замечаешь достоинств многих просвещённых, которые нам встретились сегодня по пути, не удостоивая их и повторного взгляда».

Учебный материал суфийского ордена кадири⁸

Преемник

Сабит ибн ал-Мунаввар, мистик высокого ранга, скончался, и община Балха осталась без реального учителя. Тогда Бахауддин⁹ направил в Балх почитаемого Алсяяра из Туркестана, чтобы тот, хотя ему не было ещё и сорока, стал наставником этой общины.

Когда Алсяяр (да будет благословенно его сокровенное сознание!) прибыл в Балх и вошёл в *ханаку*¹⁰, он застал там наместника (халифа), восседающего в окружении учеников и ведающего всеми делами общины.

Алсяяру выделили работу на кухне. Лишь один ученик признал в нём Преемника, но Алсяяр просил его молчать об этом. «Здесь мы оба с тобой невысокого чина», — сказал он.

Месяц спустя *ханаку* посетил великий шейх Хорасана. Проходя через кухню, он воскликнул: «Истинный Товарищ тут! А ложные товарищи повсюду вокруг!»

Никто не понял этого замечания, пока не пришло письмо от Хваджагана¹¹, в котором он обращался к Алсяяру как к законному Преемнику.

С тех пор он пользовался огромным уважением. Азимзаде — ученик, узнавший Преемника, — со временем стал настоятелем этого монастыря.

Учебный материал суфийского ордена накшбанди

Учение и караваны

К шейху Ревгари пришёл человек и долго и искренне молил принять его в ученики.

Шейх поговорил с ним о его жизни и проблемах, а затем отослал его обратно, сказав: «Ответ будет послан тебе в должное время».

Затем шейх призвал одного из своих старших последователей и сказал ему: «Пойди в дом такого-то человека (претендента в ученики) и, не упоминая моего имени, предложи ему безопасную и выгодную работу в своей караванной торговле».

Вскоре после этого к шейху пришло письмо от недавнего претендента в ученики:

«Прошу извинить меня за то, что больше не являлся к вам, поскольку судьба распорядилась так, что я недавно получил превосходное место у одного из самых крупных купцов нашего города, и теперь мне приходится отдавать всё своё время этой работе, в интересах своей семьи».

Шейх Ревгари не раз правильно предугадывал, что люди, приходившие к нему и искавшие его общества, делали это единственно потому, что в жизни им не повезло. Это далеко не редкий пример, когда он действовал подобным образом.

Учебный материал суфийского ордена накшбанди

Кузнец из Нишапура

Абу Хафс, кузнец из Нишапура, с первых дней ученичества проявлял признаки дивных способностей, благодаря силе своего сосредоточения. Он был принят в ученики шейхом Баварди, а потом возвратился в кузницу, продолжив свою работу. Пребывая в состоянии сосредоточения, он голой рукой выхватил из горна кусок раскалённого железа, не ощущая жара. Его подручный при виде этого потерял сознание.

Когда он был великим шейхом суфиев Хорасана, было отмечено, что он не говорил по-арабски и пользовался переводчиком при беседах с гостями-арабами. Однако когда он посетил славных суфиев Багдада, он владел этим языком так, что чистота его речи была непревзойдённой.

Когда шейхи Багдада спросили его, каково истинное значение великодушия, он ответил: «Пусть прежде выскажется кто-нибудь другой».

Тогда Учитель Джунайд¹² сказал: «Великодушие — это не связывать великодушие с собой, и не задумываться над ним».

Абу Хафс заметил: «Шейх сказал хорошо. Но по-моему, великодушие означает творить справедливость, не требуя справедливости взамен».

Джунайд воскликнул: «Встаньте, встаньте все! Ибо Абу Хафс превзошёл Адама и весь его род!»

Абу Хафс говаривал: «Я оставил работу и затем вернулся к ней. Затем работа оставила меня, и больше я к ней не возвращался».

*Худжвири*¹³. Открытие потаённого

Слова дьявола

Жил-был один дервиш. Во время медитации он заметил рядом с собой какого-то дьявола.

Дервиш сказал: «Почему сидишь без дела? Почему не творишь зло?»

Скучающий демон поднял голову: «С тех пор как развелось столько теоретиков и мнимых учителей Пути, мне больше не осталось работы».

Фудайл-разбойник и его сын

Фудайл, сын Айяда, некогда был разбойником. После того как он обратился к религиозной жизни, он считал, что поклоняется Богу как надо и искупает свои преступления, ибо он разыскал всех своих жертв и возместил нанесённые им убытки.

Однажды, однако, он получил необычный урок. Он посадил себе на колени маленького сынишку и поцеловал его. «Ты любишь меня?» — спросил малыш. «Люблю», — ответил Фудайл. «А Бога — разве ты его не любишь тоже? Ты ведь часто мне это говорил». — «Да, думаю, что люблю», — сказал отец.

«Но как же ты можешь любить двоих, если у тебя одно сердце?»
Именно с этой минуты Фудайл начал сознавать, что то, что он принимал за любовь, в действительности было чувственной привязанностью, и что он должен найти более высокую форму любви.

После этого случая он нередко говорил:

«То, что обычно считается величайшим или высочайшим достижением человечества, в действительности есть самая низшая из высших ступеней, доступных человечеству».

Судьба человека

Ал-Махди Аббаси утверждал, что можно доказать, что, независимо от стремления окружающих помочь человеку, нечто в нём может воспротивиться этому.

Поскольку нашлись такие, кто выражал сомнение по поводу этой теории, он пообещал продемонстрировать её на практике.

Когда все забыли об этом разговоре, Ал-Махди велел одному человеку положить посреди моста мешок с золотом. Другому он велел привести несчастного должника, поставить его на одном конце моста и попросить перейти на другую сторону.

Аббаси и остальные свидетели расположились у другого конца моста.

Когда тот человек перешёл по мосту на другую сторону, Аббаси спросил его: «Что видел ты посредине моста?»

«Ничего», — ответил человек.

«Как так?»

«Лишь только я ступил на мост, мне в голову пришла мысль: вот было бы занятно перейти его с закрытыми глазами! Так я и сделал».

Учитель

Один учитель-суфий рассказывал, что в молодости он хотел найти учителя, чтобы пребывать подле него. Он разыскал мудреца и просил принять его в ученики.

Учитель сказал: «Ты ещё не готов».

Юноша настаивал, и тогда мудрец сказал: «Ладно, кое-чему я тебя научу. Я отправляюсь в паломничество в Мекку. Идём со мной».

Радости ученика не было предела.

«Поскольку мы будем попутчиками, — сказал учитель, — один должен руководить, другой повиноваться. Выбери роль по себе!»

«Я буду повиноваться, а вы — руководить», — сказал ученик.

«Если ты знаешь, что значит повиноваться», — заметил учитель.

Путешествие началось. Однажды они остановились на ночь в пустыне Хиджаза. Пошёл дождь. Учитель встал и расprostёр над учеником свой плащ.

«Но ведь это именно то, что должен делать я», — возразил ученик.
«Я приказываю тебе разрешить мне защитить тебя от дождя», — произнёс мудрец.

На следующий день юноша предложил: «Давайте сегодня я буду руководить, а вы — повиноваться». Учитель согласился.

«Пойду теперь соберу хворост для костра», — заявил юноша.

«Ты не можешь этого делать; хворост соберу я», — возразил мудрец.

«Приказываю вам оставаться на месте, пока я не вернусь с дровами!» — произнёс юноша.

«Ты не можешь этого делать», — сказал учитель. — Ибо в соответствии с правилами ученичества послушник не может допустить, чтобы руководитель прислуживал ему». Так, при каждом случае, Учитель наглядно демонстрировал ученику подлинное знание ученичества.

Они расстались у врат Святого Города. Позже, встретив мудреца, юноша не смел поднять на него глаз. «То, чему ты научился, — сказал старец, — это некоторые из основ ученичества».

Ученик должен знать, *как* повиноваться, а не просто что он должен повиноваться. Вопрос о том, становится учеником *или* нет, возникает только тогда, когда человек действительно знает, что такое ученичество. Люди теряют время, задаваясь вопросом, стоит ли им поступать в ученики — или же не стоит. Но так как их предположение (что они могут стать учениками, если захотят) ошибочно, они живут в ложном мире, в мире интеллектуальных построений. Такие люди не выучили самый первый урок.

Смеяться над дураками — этого ещё недостаточно

Жил-был на свете дурак. Однажды его послали за мукой и солью. Он взял с собой поднос, чтобы нести покупки.

Человек, пославший его, сказал:

«Смотри, чтоб они не смешались, мне они нужны порознь».

Когда лавочник насыпал муку в поднос и стал отвешивать соль, дурак сказал: «Только не смешай её с мукой; вот, сыпь её сюда». И перевернул поднос вверх дном, чтобы было куда положить соль — на обратную сторону.

Мука, разумеется, оказалась на полу.

Зато соль осталась целой.

Вернувшись назад к тому, кто его послал, дурак доложил: «Вот соль».

«Прекрасно, — сказал человек, — а где же мука?»

«Должна быть здесь», — ответил дурак и перевернул поднос.

Соль тут же высыпалась на землю, и никакой муки, конечно, не оказалось.

Так же обстоит дело и с людьми. Делая какое-то одно дело и считая его правильным, они сводят на нет другое, столь же правильное. Когда же

такое происходит с мыслями, а не с действиями, человек теряет самого себя, какими бы соображениями он ни обосновывал впоследствии логичность своего мышления.

Вы посмеялись над смешной историей про дурака. Ну а как насчёт дальнейшего? Не поразмыслить ли насчёт своих собственных мыслей, — что если они те же соль и мука?

Дверь

Салих из Казвина поучал своих учеников:

«Всякому, кто стучится в дверь непрестанно, открыто будет».

Услышав как-то эти слова, Рабиа¹⁴ сказала:

«Сколько вы будете твердить: „Открыто будет”? Дверь никогда и не закрывалась».

Религия

Религия, как теологи — и их противники — понимают это слово, есть нечто иное, чем её принято считать.

Религия есть средство передвижения. Способы выражения религиозности, религиозные обряды, нравственные и прочие учения рассчитаны на то, чтобы произвести, в определённое время, определённые следствия возвышающего характера, среди определённых сообществ людей.

Вследствие трудности сохранения науки о человеке была введена религия, в качестве вспомогательного средства приближения к истине. Но для поверхностных умов средство всегда становилось целью, а средство передвижения — идолом.

Только носитель мудрости, но не носитель веры или интеллекта может снова сдвинуть средство передвижения с мёртвой точки.

Алауддин Аттар

Памятование

Всё зависит от памятования. Путь не начинается с изучения, он начинается с припоминания. Отдалённость вечного существования и трудности жизни приводят к тому, что человек забывает.

Именно по этой причине Бог указал нам:

«Помните!»

Шейх Исмаил Хакки

Теперь, когда я мёртв

Теперь, когда я мёртв, вы можете прочесть кое-что из истины суфиев. Будь эти сведения выданы вам, прямо или косвенно, когда я осязаемо находился среди вас, все вы, за исключением немногих, удовлетворили бы единственно ими свою жажду и страсть к чудесам.

Знайте же, что постороннему наблюдателю часто не дано видеть всех тех вещей, что делает учитель-суфий ради мира и для людей, больших и малых.

Учитель-суфий прилагает силы, чтобы учить, исцелять, делать людей счастливыми и тому подобное, исходя из наилучших соображений по применению этих сил. Если он не являет перед вами чудеса, это не значит, что он не творит их. Если он отказывается помогать вам так, как вы того желаете, то это не потому, что он не может. Он помогает вам в соответствии с тем, чего вы заслуживаете, а не в ответ на ваши требования. У него более высокий долг — его-то он и исполняет.

В жизни многих из вас произошли изменения, многие были избавлены от опасностей, многим предоставлялись счастливые возможности — но ни в чём из этого вы не усмотрели благой помощи. Но тем не менее вы получали эту помощь.

Многие из вас, несмотря на поиски более сытой жизни, совсем бы лишились её, если б не усилия Общины Друзей. Для многих из вас, кто беден, богатство обратилось бы в проклятье. Многие из вас всё ещё богаты лишь благодаря присутствию Человека Мудрости. Многие из вас, прошедшие мою школу, считают, что вас обучал я. На самом же деле вы лишь физически присутствовали на наших собраниях, тогда как обучались вы в другом собрании.

Всё это настолько чуждо вашему привычному ходу мыслей, что вы пока ещё не в состоянии это осознать.

Моей задачей было помочь вам. Сделать так, чтобы вы ощутили это благотворное воздействие, — задача других.

Ваша трагедия в том, что, ожидая, что я снизойду до чудес и произведу в вас ощутимые перемены, вы выдумывали чудеса, которых я не совершал, и взращивали в себе чувство преданности ко мне, которое совершенно бесполезно. При этом вы усматривали «перемены», «помощь» и «уроки» там, где их не было. Тем не менее и «перемены», и «помощь», и «уроки» имеются. Осталось теперь найти, в чём же они на самом деле. Если вы продолжаете думать над тем, над чем указывал вам думать я, и делать то, что говорил вам делать я, вы работаете со вчерашним материалом, который уже отработан.

Мирза Абдул-Хади Хан из Бухары

III*

Слова Исраила из Бухары

Учение подобно воздуху.

Человек живёт в нём, но не может реально почувствовать, что без воздуха он был бы мёртв.

Он видит воздух только когда тот загрязнён, как, например, поднимающийся дым, а также ощущает его по его воздействию.

Он видит загрязнённый воздух, дышит им и воображает, что это и есть чистая субстанция.

Без воздуха он умирает. Но когда он задыхается, у него возникают галлюцинации и упования на лекарственные средства, тогда как он нуждается именно в очищении воздуха.

Быть может, он начнёт отдавать себе отчёт в этом, и извлечёт из этого больше пользы, представляя себе, что это обычная субстанция, с которой обращаются настолько небрежно, что никто не замечает её присутствия.

Страны, полные гуру

Один купец, посетив суфия, сказал ему:

«Некоторые страны буквально наводнены гуру, духовными учителями, проповедующими известного рода догматы и доктрины. Почему там так мало суфиев, руководящих местными группами? Отчего так происходит, что, даже среди них, те, кто пользуется известностью, оказываются просто подражателями или повторяют упражнения, которые переданы другими?»

Суфий сказал:

«Это два вопроса, но ответ на них один и тот же:

Индия, к примеру, полна гуру и почитателей святынь, а истинные суфии, действующие открыто, куда как редки, потому что гуру и их последователи заняты игрой, суфии же заняты работой. Не будь этой работы суфиев, человечество вымерло бы. Индия — страна заклинателей змей; общедоступные гуру — это заклинатели людей. Они развлекают народ. Пребывающие в безвестности святые трудятся ради людей. Занятие человека — искать тайных учителей. Занятие детей — искать приятное времяпрепровождение.

Не замечал ли ты толпы бывших учеников разных гуру, которые окружают нас ежедневно, а также то, что из сотни их и один не может быть допущен, ибо их обучали находить удовольствие в пользовании какими-то вещами, тогда как должны были, вместо того, обучать познанию этих вещей?»

---

* Shah Idries. The Thinkers of the East. L., 1971.

Искандар из Балха

Сын Искандара из Балха спросил своего отца, лежавшего на смертном одре:

«В чём источник твоей силы, твоего богатства и твоих чудес?»

Отец тихо проговорил:

«Если бы я сказал тебе, это лишило бы тебя соприкосновения с этим источником, потому я не могу сказать тебе, где он, но только каков он».

И продолжил:

«Наш жизненный путь — это Путь суфиев, и мы, так сказать, чужеземцы среди варваров на этой земле, но теперь я возвращаюсь к своим».

Сын сказал:

«Почему же ты не поведал этого всем во время жизни? Ибо твой личный пример, который останется в веках, заставил бы людей во множестве вступить на Путь суфиев и даровал бы им благодать Избранных».

Искандар со вздохом произнёс:

«Большинство из них было бы привлечено алчным стремлением завладеть тайной, а также желанием иметь больше, чем другие. Сын мой, всю свою жизнь я учил воздержанности, в надежде, что это умерит жадность, разрушающую человека, даже если он алчет добродетели».

«Тогда что же мне делать?» — спросил сын.

«Ты должен желать Истины ради неё самой, и ничего для себя».

«Но как же мне узнать, что я желаю чего-то для себя, а не ради этого самого?»

«Благодаря ежедневной практике ты поймёшь, что то, что ты принимаешь за своё «я», — это смесь убеждений, вложенных в тебя другими, а вовсе не ты сам. Ты должен искать Учителя Века, пока не найдёшь его. И если тебе не удастся узнать Водителя Эпохи, то потому, что внутренне ты отвергаешь его, а не потому, что не ясно, кто он».

Таково свидетельство великого суфия Сулеймана Наджами, сына Искандара из Балха. Передавая его собственному сыну, он сказал:

«За всю долгую жизнь не могу сказать, чтобы узнал больше этого — мудрости, завещанной мне отцом. Потому-то я и предлагаю её тебе».

Али, сын Отца Искателя

Али¹⁵ сказал:

«Истина недоступна тому, кто закрыт для мысли, что сам Путь может оказаться ложным.

Это происходит оттого, что те, кто могут лишь верить в то, что он непременно правильный, — это не верующие, но люди, неспособные мыслить иначе, чем они уже мыслят. Такие люди вовсе не люди. Они

подобны животным, им нужно следовать определённым убеждениям, и в течение этого времени они не могут учиться. Так как их нельзя назвать «человечеством», они не могут достичь Истины».

Тайна

Талиб сказал:

«Люди, которые ничего не знают или знают очень мало и которым следовало бы учиться, а не учить, любят создавать атмосферу таинственности. Они могут поощрять распространение слухов о себе и делать вид, что их действия имеют некие тайные причины. Они всегда стремятся усилить ощущение таинственности.

Но это — таинственность ради таинственности, а не в качестве внешнего проявления внутреннего знания.

Люди, которым действительно известны сокровенные тайны, обыкновенно выглядят и ведут себя как обычные люди.

Потому те, кто раздувает атмосферу таинственности, могут уподобляться паучьей сети, они только ловят мух. Вы что — подобно мухе, являете собой обед для паука?»

Имам Бакир

Имам¹⁶ Мухаммад Бакир, как говорят, поведал эту показательную притчу:

«Обнаружив, что могу говорить на языке муравьёв, я обратился к одному из них и спросил: „На что похож Бог? Похож ли он на муравья?“

Он ответил: „Бог! Конечно же нет — у нас только одно жало, у Бога же — у Него их *два!*“»

Роскошь и простота

Суфийский старец Джунайд учил наглядным примером, с помощью метода действительного вживания в роль, которую хотел продемонстрировать. Вот один пример.

Однажды несколько искателей застали его в окружении такой роскоши, какую только можно представить.

Эти люди отказались от его общества и разыскали одного святого, отличавшегося суровостью и аскетизмом и жившего настолько просто, что в доме его не было ничего, кроме коврика и кувшина с водой.

Представитель группы искателей сказал:

«Твоя простая и строгая обстановка куда больше пришлась нам по душе, чем кричащая и поражающая своими излишествами обстановка Джунайда, который, судя по всему, свернул с Пути Истины».

Аскет тяжело вздохнул, и из глаз его потекли слёзы.

«Милые мои друзья, поверхностно воспринимающие внешние знаки, преграждающие человеку путь на каждом повороте, — проговорил он, — знайте же, и положите конец своим несчастиям! Великий Джунайд окружён в настоящее время роскошью, потому что он равнодушен к роскоши; я же окружён простотой, потому что я равнодушен к простоте».

Караван

Человек, намеревавшийся стать учеником, сказал Зу-н-Нуну Египтянину¹⁷:

«Превыше всего в этом мире я хочу вступить на Путь Истины».

Зу-н-Нун ответил:

«Ты можешь идти с нашим караваном, только если прежде сможешь принять две вещи. Во-первых, тебе придётся делать то, чего ты не хочешь делать. Во-вторых, тебе не будет позволено делать то, что ты желаешь делать. Именно «хотение» стоит между человеком и Путём Истины».

Гигантские яблоки

Как-то раз суфий посетил царя, чтобы дать ему совет относительно положения дел в государстве, и они стали хорошими друзьями. Прошло несколько месяцев, и суфий сказал: «Теперь я должен отправиться дальше, чтобы работать в неизвестности среди низших слоёв населения в твоём царстве, в бедности и вдали отсюда».

Царь настаивал, чтобы он остался, но суфий убедил его, что он должен исполнить свои обязанности.

«Как же мне сохранить связь с тобой?» — спросил царь.

Суфий передал ему письмо и сказал: «Если когда-нибудь ты получишь невероятные вести о фруктах из такой-то области, распечатай его. Тогда работа моя будет окончена, а тебе придётся ещё кое-что сделать».

Суфий отправился к месту своего назначения и жил там как обычный человек, выполняя свои обязанности в соответствии с наукой дервишей.

Несколько лет спустя некий человек, полагая, что у суфия могут быть припрятаны большие деньги, убил его; но всё, что он обнаружил, — это пакет с надписью «семена гигантских яблок».

Он высадил семена, и в удивительно короткий срок сад его был полон яблонь, на которых зрели плоды размером с человеческую голову.

Люди стали почитать убийцу за человека святого — ибо кто ещё мог вырастить в своём фруктовом саду всего за несколько дней, в разгар зимы, деревья, приносящие плоды такого размера?

Убийце, однако, такое подбострастие не принесло удовлетворения.

«Если я не добыл денег, убив того человека, — размышлял он, — то вот и случай предоставился. Отнесу-ка их царю, и он непременно вознаградит меня».

После многих сложностей он был препровождён к монарху и предстал перед ним.

Убийца сказал: «Ваше Величество, у меня в корзине лежит яблоко размером с человеческую голову, которое я вырастил всего за несколько дней, в разгар зимы, в такой-то области».

Вначале царь изумился величине плода. А затем вспомнил про письмо суфия. Он приказал, чтобы письмо принесли из сокровищницы, где оно хранилось, и вскрыл его.

В письме говорилось: «Человек, выращивающий гигантские яблоки, — мой убийца, какое бы уважение благодаря этому он ни снискал. Пусть воздадут ему теперь по справедливости».

Новый посвящённый

Человек, прибывший из другой страны, обратился к Ашрафу Али Ниязи со словами:

«Я хочу стать суфием и готов делать всё, если могу получить посвящение; я читал такие-то книги и встречался в своей стране с несколькими суфиями».

«Этому неоперившемуся птенцу, несомненно, придётся задержаться здесь не на один год, чтобы узнать хотя бы, как вообще приблизиться к Пути, — если только Хадрат¹⁸ Ниязи не прогонит его немедленно», — подумали ученики.

Но шейх тотчас же ответил гостю:

«Я дам тебе посвящение сразу же. Больше того, я сделаю тебя своим представителем в вашей стране. Работай дальше сам: я не знаю тех людей, о которых ты упоминал».

Все ученики были совершенно поражены.

Когда гость ушёл, шейх сказал:

«Все вы вообразили, что я прогоню его или же дам ему задания, которые могли бы подготовить его для обретения просветления».

Теперь вы полагаете, что я не сделал ни того, ни другого, но оказал ему незаслуженно высокую честь.

Но работает именно реальность, а не видимость.

Я отослал его — то есть заставил уйти.

Я сказал ему, что он получил посвящение и стал нашим представителем. Это и есть его подготовительное упражнение. Если он теперь вообразит, что должен учить или принимать в ученики, а также выступать в качестве моего представителя, то тем самым он будет умножать своё самомнение и никуда не продвинется. Если же он осознает, что не готов ни для посвящения, ни чтобы быть представителем, то он вернётся, и тогда я смогу наставить его».

«Но что станет с людьми, которых, по его мнению, он будет учить, если он не выдержит испытания? Разве он не повредит им?» — спросил один из учеников. «Всякий, кто примет его за учителя, или хотя бы за посвящённого суфия, — ответил Учитель, — для нас уже недостижим».

Подарки

Однажды суфийский Наставник объявил, что он возрождает Церемонию даров, которая заключается в том, что раз в год совершаются приношения к месту почитания прославленного учителя.

Люди всех слоёв общества собрались из ближних и дальних мест со всей округи, чтобы поднести дары и услышать, если это возможно, что-то из учения Наставника.

Суфий распорядился, чтобы дары были сложены на полу в центре зала для приёмов, а дарители расположились вокруг них. Затем он вступил в центр круга.

Он поднимал дары один за другим. Те, на которых имелось имя, он возвращал дарителю. «Остальные, — сказал он, — приняты.

Вы все пришли сюда, чтобы получить учение, — вот оно. Теперь, возможно, вы узнаете разницу между низшей и высшей формами поведения.

Низшая форма поведения — та, которой учат детей, и это существенная часть их подготовки. Она означает испытывать удовольствие от даяния и получения. Но высшая форма поведения есть даяние без привязанности, в словах или в мыслях, без каких-либо обязательств. Возвышайтесь, потому, до второй формы поведения, от малого к большому.

Всякий, кто продолжает тешиться малым, не может возвыситься. Также не можете вы и получить ответную плату на низшем уровне. Таков смысл учения об ограничении. Отвратитесь от малых удовольствий, таких как думать, что вы сделали доброе дело, и осознайте большее достижение — действительно сделать что-то полезное».

Примечания переводчиков

¹ Ал-Газали (1058–1111), мусульманский теолог, философ и законовед из Хорасана (Персия).

² Фаридуддин Аттар (ок. 1150–1220), персидский и таджикский поэт.

³ Омар (ок. 591–644), второй праведный халиф в Арабском халифате.

⁴ Саади (ок. 1206–1292), персидский и таджикский поэт.

⁵ Абдуррахман Джами (1414–1492), персидский и таджикский поэт и философ; хахим — «мудрец», «философ».

⁶ Джалалуддин Руми (1207–1273), персидский суфий и поэт.

- ⁷ Основатель ордена чишти[ййа] — хваджа («мастер») Абу Исхак аш-Шами («Сириец») Чишти (ум. 1097).
- ⁸ Орден кадири[ййа] основан последователями Абд ал-Кадира из Джилана (или Гилана) (1077–1166).
- ⁹ Хваджа Бахауддин Накшбанд (1318–1389), таджик, основатель ордена накшбанди[ййа]-хваджаган («мастера»).
- ¹⁰ Обитель суфиев, место их совместного проживания и отправления религиозных предписаний.
- ¹¹ Здесь, очевидно, глава этого ордена, т. е. Бахауддин Накшбанд.
- ¹² Абу-л-Касим ал-Джунайд (ум. 910) из Багдада, один из «столпов» раннего суфизма.
- ¹³ Худжвири (ум. ок. 1075), родом из Газни, автор первого сохранившегося труда по суфизму на персидском языке.
- ¹⁴ Раbia ал-Адавиййа (ок. 713–801), женщина-аскет, жившая в Басре, почитается в суфизме как «святая».
- ¹⁵ Али ибн Абу Талиб (ум. 661), двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада
- ¹⁶ Глава мусульманской общины.
- ¹⁷ Зу-н-Нун, или Дхун-Нун («Имеющий рыбу», прозвище), ал-Мисри («Египтянин»), Абу-л-Файд Саубан б. Ибрахим (ок. 796–860/861), один из крупнейших авторитетов раннего суфизма.
- ¹⁸ Высокопочтимый, святой (почётный титул).

Переводы с английского:
В. Аржанов, И. Юлдашева, Г. Швейник
(выполнены в 1994 г. для издательства «Угунс»)

© Аржанов В., Юлдашева И., 2004,
перевод на русский язык (I–III), примечания
© Швейник Г., 2004, перевод на русский язык (I)

Опубликовано на сайте: 7.7.2005